

Светлана Устелимова

НЕПУТЕВЫЕ АЛХИМИКИ

Светлана Устелимова
Непутевые алхимики

«Автор»

2023

Устелимова С. Б.

Непутевые алхимики / С. Б. Устелимова — «Автор», 2023

Двум паренькам очень повезло – они совершенно случайно сделали необыкновенное изобретение. Кажется, теперь они могут полностью изменить свою жизнь и осчастливить все человечество. Однако в борьбу за гениальным изобретением вступает мафия. Тут нашим недотепам становится уже не до высоких мечтаний. Они думают только о том, как остаться живыми.

Совершенно несерьезный роман с элементами детектива, фантастики и приключений. Да, и про любовь тут тоже есть!

© Устелимова С. Б., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ОСЧАСТЛИВИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО	5
I. Открытие	6
1. Средство от мух	6
2. Публичный эксперимент	10
3. Брат с сестрой	16
4. И сыновьям дает наказ	18
5. Фокус удался	20
6. Петушинные бои	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Устелимова
Непутевые алхимики

ОСЧАСТЛИВИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Роман

І. Открытие

1. Средство от мух

Был тот чудесный вечер, какие бывают только ранней осенью, – мягкий, теплый и золотой. Аркадий Басистый, молодой человек среднего роста, худощавый, как деревянная прищепка, с узким лицом, будто слегка сплюснутым по бокам, спешил на работу. Он опаздывал, поэтому не обращал внимания на очарование синих сумерек, похожих на черничный кисель и сгущавшихся с каждой минутой, на теплый уже, а не горячий, как в полдень, воздух, на золотые паруса тополей и лип, развернувшиеся у входа в НИИ инсектицидов. Паруса эти шлепали, хлопали, шелестели, стряхивая золотую пыль.

Басистый задержался в институтской библиотеке до той минуты, пока его оттуда вежливо не попросили – так вежливо, как умеют только библиотекари (вот у кого нужно поучиться официантам, провожающим запоздалых клиентов). Последний курс института — это серьезно, и Аркадий был намерен не расслабляться с первых дней, отрабатывая все прошлые годы безалаберной студенческой жизни.

После учебы начиналась вторая, хоть и не главная, однако значимая часть жизни Басистого, худо-бедно дающая ему средства к существованию. В НИИ инсектицидов имелась лаборатория, требующая круглосуточного присмотра. В ночное время за весьма скромную плату Аркадий присматривал здесь за морскими свинками, белыми крысами, лягушками, разными насекомыми в баночках и прочей живностью. Они размещались в выдвижных пронумерованных ящиках, полностью занимавших несколько стеллажей, стоящих поперек огромной комнаты, целого зала.

Как правило, дежурство ему сдавал кто-нибудь из дневных лаборантов, у которых была установлена своя очередность. Случалось, что в периоды мозгового штурма, когда начальство по каким-то необъяснимым причинам требовало скорейших результатов, в лаборатории задерживались несколько человек, но такого количества народа, как в этот день, Басистый давно не видел. Персонал лаборатории присутствовал согласно штатному расписанию. «Как нас, оказывается, много», – про себя отметил Басистый. Несколько мраморных столов были придвинуты друг к другу в виде буквы «Т» и заставлены остатками еды, а под столами, смущенно выглядывая из-под мужских и женских ног, прятались пустые бутылки.

– Что празднуем? – спросил Басистый с ноткой неудовольствия после взаимных смятых, нестройных приветствий. У него были свои планы на дежурство – он собирался переписать взятый у однокурсника только на эту ночь конспект.

Старший лаборант Ниночка, Нина Павловна, сорокалетняя девушка с жаркими красными щеками, обняла Басистого за шею, прижав к своей большой рыхлой груди, и объяснила:

– Наш препарат получил премию на престижном международном конкурсе. Мы изобрели уникальное средство от мух. Безопасное, дешевое и доступное!

Было похоже, что Нина Павловна уже не один раз произносила эту речь — то ли презентацию, то ли рекламный текст, потому что говорила как по писаному, и уже готова была вдохновенно продолжить, но Аркадий вовремя ее прервал.

– Поздравляю! – произнес он, стараясь придать голосу искренность и задушевность.

– Мухобойки больше не потребуются! – с гордостью добавил заведующий лабораторией по фамилии Евторов, бывший военный, некогда занимавшийся серьезными вопросами, связанными с бактериальным оружием. Впрочем, он не слишком походил на военного, потому что был маленький и круглый, как колобок, и голос у него был мягкий и вкрадчивый, как у украинца.

– Потрясающе! – с восхищением произнесла Нина Павловна, как будто впервые услышала о своем же изобретении.

– За это нужно выпить! – крикнул кто-то, Аркадий даже не разобрал — мужчина или женщина.

Ему дали давно налитый и почему-то невостребованный пластмассовый стаканчик подвевившейся, невкусной водки.

– Желаю вам новых успехов! Дадим бой мухам, тараканам, клопам, домашним муравьям и прочей нечисти! – с вполне уместным пафосом произнес Басистый.

– Ура! – поддержали его коллеги и захлопали в ладоши.

Когда все выпили, поднялся Евторов.

– Подразделение, слушай мою команду! – сказал он. Все притихли. – Через пять минут начинаем отступление. Позиции зачистить. Руководство операцией поручаю Нине Павловне.

Подчиненные давно привыкли к манере общения, которую он обычно демонстрировал в крепко подвыпившем состоянии, и прекрасно поняли приказ: всем предлагалось расходиться по домам, а Нине Павловне и другим женщинам навести порядок в лаборатории.

– Слушаюсь, – низким грудным голосом, в котором слышалась утробная тоска одинокой женщины, ответила Нина Павловна.

Все засуетились, а Басистый отошел в сторонку, поближе к свинкам, чтобы никому не мешать и не путаться под ногами.

– Не волнуйся, Аркаша, мы сейчас все уберем, – проплывая мимо, как бригантина, сказала Ниночка.

Через двадцать минут чудесным образом в лаборатории уже никого не было, столы стояли на своих местах, грязная одноразовая посуда и прочий мусор были убраны в пакеты вкуче с объедками, а пакеты Ниночка вручила последней лаборантке, покидающей банкетное поле, чтобы та отнесла их в контейнер. Наконец-то Басистый остался один.

Несколько закусок еще осталось на столе, а также среди них Басистый увидел едва початую бутылку водки. Ха! Можно продолжить банкет! До утра было еще далеко. Симпатичная практически непочатая бутылочка загадочно мерцала под неоновыми лампами. Пить в одиночестве Аркадий не собирался.

«Сегодня на вахте дежурит Васька Кашеедов, – вспомнил он. – Надо его позвать!»

Он подошел к телефону внутренней связи и позвонил вниз.

– Василий, – сказал он официальным тоном. – Поднимись сюда на пять минут, дело есть. Вскоре, слегка запыхавшись, в помещение лаборатории влетел Кашеедов.

– Говори, что случилось? – спросил он, но тут его взгляд упал на стол, и Василий сразу все понял.

Кашеедов было двадцать пять лет, он был совсем немного старше Басистого, но выглядел гораздо взрослее. Кашеедов имел тот тип телосложения, который обычно сравнивают со шкафом. Его бицепсы, трицепсы и прочие мышцы можно было демонстрировать студентам медицинского колледжа при изучении мышечной системы. При этом его интеллектуальные способности соответствовали поговорке «Сила есть — ума не надо». Но назвать Кашеедова тупым было бы несправедливо. В практическом, житейском смысле он был достаточно умен, вернее хитер. Вот и охранником, а точнее вахтером, в государственном учреждении на самом маленьком окладе он работал только для того, чтобы насолить бывшей жене — чем меньше у него зарплата, чем меньше алименты она получит.

Друзья уселись за стол.

– По какому поводу поляна? – спросил Кашеедов.

Аркадий сделал рукой жест: сейчас, минутку, быстро дожевал кусок колбасы и просветил приятеля:

– Они изобрели гениальное средство. От мух...

В два приема друзья опорожнили бутылку. Аркадий размяк, а Василий сидел как ни в чем не бывало и четко чувствовал, что ему мало.

– Туфта насчет изобретения, – сказал он. В его мозгу шла интенсивная работа, которая привела его к неожиданному выводу. – Ты заметил, чтобы здесь хоть на одну муху меньше стало? От этого дихлофоса мухи только злее стали, кусачей.

Он положил в рот добрый кусок колбасы, не спеша перетер его крупными крепкими зубами и продолжил мысль.

– Наверняка наши по заказу правительства на оборонку работают. Этот Евторин, он тут не зря во главе стоит, старый вояка. И вещество наверняка какое-то секретное, на психику действует.

Басистый до этого не проявлявший никакого интереса к изобретению коллег, задумался.

– Может, это типа наркотика что-то, – продолжал Кашеедов.

– А почему-бы не проверить? – вяло пожал плечами охмелевший Аркадий. – Это нетрудно. Все были в стельку пьяные, сейф закрыли, а ключ не вытащили. Он и сейф торчит, я отсюда вижу.

– Вот как?

Василий подошел к сейфу, вернее запирающемуся на ключ глухому железному шкафу высотой с человеческий рост, скромно стоящему в дальнем углу лаборатории.

– И правда ключ здесь! Молодец, очкарик!

Пока Басистый обижался на то, что его обозвали очкариком, хотя очков он никогда не носил, Василий отпер шкаф и с верхней полочки достал небольшой бумажный пакет с порошком.

– Этот, что ли? – крикнул он, а потом сам себе ответил: – Этот, другого здесь нет.

Аркадий неохотно встал и подошел к приятелю, заглянул в пакетик: простой белый порошок, по виду как стиральный, по запаху — запах подходящий для мушиной отравы, противный.

– Действуй, – почему-то шепотом сказал Кашеедов. – Ты будущий гинеколог, лучше меня понимаешь в разных склянках и пробирках.

– Почему гинеколог? – воспротивился Басистый. – Я хирург!

– Да какая разница! – Кашеедов сунул в руки Аркадию пакетик с порошком и сказал: – Я думаю, его надо в воде растворить. На свинках твоих попробуем, а? Только потом сами!

– Тс-с-с! – поднес палец к губам Басистый и принялся колдовать.

– Я его в спирте растворю, – бормотал он, комментируя свои действия. – Мы же с тобой не воду пили, а водку...

Василий услышал слово «спирт» и хотел было дать отбой затее, но не успел. Аркадий вынул из стеклянного шкафа пузырек с приятной надписью «Этиловый спирт 90 %», ловко вылил его содержимое в большую пол-литровую колбу и моментально всыпал туда порошок. Смесь закипела, зашипела, стала увеличиваться в объеме, чуть не перелилась через край, а потом вдруг утихла и осела до прежнего уровня.

– Хорошо играет! – с восхищением сказал Василий.

Басистый критически посмотрел на прозрачную смесь и решительно добавил в нее дистиллированной воды из бутылки с соответствующей надписью. Получилось примерно чуть меньше пол-литра жидкости. Кашеедову не понравилось, что Басистый разбавил смесь, и он забрал колбу из рук Аркадия в свои, более надежные руки.

Басистый и Кашеедов пересекли лабораторию, направляясь к стеллажу с подопытными животными.

Васька выдвинул один из ящиков и взял в руки первую попавшуюся свинку, довольно упитанную, белую с рыжими пятнами. Она отчаянно пискнула.

– Потерпи, Мелиндочка, – ласково обратился к ней Аркадий. – Ты же знаешь: все ради науки!

Кашеедов влил в рот животного несколько капель жидкости. Свинка несколько раз дернула лапками и испустила дух.

Пьяный Басистый взял в руки еще неостывший трупик, прижал к груди и горько заплакал:

– Это была моя любимая свинка! Жа-а-алко!

– Что же теперь делать? – Кашеедов чувствовал себя немного виноватым, несвойственное ему это было чувство и неприятное. – Слезами горю не поможешь.

– Мелиндочка! – не унимался Аркадий.

Кашеедов насупился. Его румяные пухлые губы собрались в круглую дульку, похожую на куриную гузку.

– Моя бабка от всех болезней мочой лечится, – через некоторое время глубокомысленно произнес он, – даже внутрь ее принимает. До сих пор жива.

Басистый не слушал друга. Он, усевшись прямо на пол, попеременно вздыхал, целовал розовую пуговку — носик свинки и орошал слезами бездыханное тельце.

Васька так и оставил его сидящим на полу, а сам вышел, прихватив колбу с ядом. Где он был, мы скромно умолчим, но вернулся он довольно скоро, при этом количество жидкости несколько увеличилось, а цвет заметно изменился в желтую сторону. Очевидно, к присутствовавшим в микстуре компонентам был добавлен еще один.

– Давай сюда! – сказал Кашеедов. – Хуже уже не будет!

Он разжал маленькие челюсти свинки и влил ей в рот приличную порцию нового снадобья.

Приятель замерли, не дыша. Пять секунд, десять... Через пятнадцать секунд Мелинда открыла левый глаз и пискнула.

Пока Басистый бурно выражал восторг, Василий сказал сам себе:

– Кажется, я сделал гениальное открытие...

Друг его услышал и поддержал:

– Еще бы! Мы изобрели эликсир бессмертия!

Сразу после этого Басистый зевнул и моментально провалился в сон здесь же, на полу, рядом с клетками. Мелинда, выскользнувшая из его рук, истошно голося и сея панику среди своих подруг, забилась в самый дальний угол, намереваясь больше оттуда не выходить ни за какие коврижки.

Не обращая на нее внимания, Кашеедов взял со стола пустую бутылку из-под выпитой водки, перелил туда содержимое колбы. С трудом отыскал клочок бумаги, чтобы сделать пробку. Перед тем, как заткнуть бутылку, отлил из нее несколько граммов жидкости в пузырек, где совсем недавно был спирт, и спрятал этот пузырек в горшке с засохшей геранью, тщательно присыпав землей. Зачем он это сделал? Да так, на всякий случай.

Потом он, прихватив микстуру, спустился к себе на вахту.

2. Публичный эксперимент

Басистый проснулся вовремя, как по будильнику, даже успел умыться до прихода Евтора. Завлаб всегда являлся раньше своих подчиненных, чтобы собственными глазами бдить за дисциплиной. Он редко ругал опоздавших, но самим своим присутствием взывал к их совести. Это действовало порой даже лучше, чем лишение премии.

Как только появился выпавшийся, ясноглазый Евторов, Аркадий схватил свой ноутбук и поспешил в институт на лекции.

– Здрасьте, баба Капа, – крикнул он на пункте пропуска вахтерше, сменившей Кашеедова, маленькой старушке, которую едва было видно из-за стойки.

– Здравствуй, здравствуй, студент, – скрипучим голосом ответила она. – Что, долго еще учиться-то будешь?

– Последний год остался.

– Ну-ну, давай!

Басистый перебрался с ней словами, не замедляя хода.

– Постой, не гони так! – услышал он за собой голос Василия.

– Тебя твой дружок дожидается, – с опозданием сообщила баба Капа.

Кашеедов догнал Басистого, и вместе приятели покинули контору.

Утро было свежее, ясное и прелестное. Аллея тянулась как золотая регата. Было непривычно многолюдно, как всегда становится в сентябре после летних отпусков. Улицу наполнили веселые школьники разного возраста. Первоклассники, мелкие, шумные и подвижные, как горошины, шли за руку с мамами и бабушками, которые несли их портфели. Когда-то Аркашина бабушка приговаривала: «Люблю первоклашек, они такие хорошие!» Однако Басистый еще не дождался до того возраста, когда интересно вспоминать детство, и эта мелочь пузатая его ничуть не умиляла. Он просто отметил про себя: «Откуда столько детворы взялось? Ведь не было еще совсем недавно». Иногда среди школьников его взгляд отмечал молодых людей или девушек. «Это свой брат, студент», — безошибочно определял он по сонному виду и по каким-то другим неуловимым признакам.

Пока друзья двигались в толпе, Кашеедов жаловался на бабу Капу.

– Мне надо было тебя дождаться, а то я бы с ней лишних пять минут не остался. Мне дома воспитателей не хватает! И вообще, противная у нее манера: что думает, то и говорит. Никакой, понимаешь, деликатности. Или это у всех старух так?

– Что она тебе выговаривала? – поинтересовался Басистый, посмеиваясь.

– Как всегда: «Ты здоровый мужик, да на тебе пахать можно! Как тебе не стыдно на таком месте работать?» А какое кому, собственно, дело? Любой труд почетен. А она еще и в личную жизнь лезет! «Да бедная женщина, которую угораздило тебя полюбить» и все в таком же духе.

Баба Капа умудрилась-таки слегка подпортить Кашеедову настроение, хотя вообще-то настроение у него почти всегда было хорошее. Развод был для него большой темой. На Ксюше он женился по большой любви, а уж как она-то его любила! Пылинки сдувала, слова грубого ни разу не сказала, прощала все и не требовала ничего. И Василий молодую жену на руках носил, конечно. Не жизнь была, а сказка. Мечта.

Пока не появился Он. Вот тогда и началось: каждую свободную минуту Ксюша отдавала Ему. Все свое внимание, заботу, ласку — Ему. И к Василию начала претензии предъявлять, требовать без конца чего-то, потому что Ему надо. Он — это сын. На том и расстались. Ксюша — с Ним, а Василий сам по себе, как говорится «не пришей кобыле хвост».

Друзья подошли к остановке — бетонной конструкции с деревянными грязными лавочками, переполненной пластиковыми бутылками урной и заплыванным жвачкой асфальтом. На площадке невдалеке стояли несколько автобусов — остановка была конечной. Один автобус,

наконец, тронулся и подъехал к людям. Народ взял его, как крепость, приступом. Кто-то придержал Аркадия за рукав, не пуская в салон. Басистому это не понравилось — времени у него было в обрез. Он инстинктивно развернулся, намереваясь ткнуть кулаком в того, кто смеет ему мешать. Этим кем-то оказался Кашеедов.

– Да что ты делаешь! – возмутился Басистый.

– Не нужен автобус, я тебя на своей машине подвезу. Поговорим без свидетелей, – таинственно сказал Василий. Его старенькая «Ока» темно-зеленого цвета стояла неподалеку, после работы он обычно еще немного таксовал, но только не сегодня.

– Что у тебя за дело такое важное? Мне в институт надо.

– Какой институт?! Ты что, забыл?

Басистый сделал удивленное лицо.

Василий распахнул болотного цвета ветровку и показал другу заветную бутылку, спрятанную во внутреннем кармане.

– Пиво? В бутылке из-под водки? Странно. Что бы это значило?

Парни сели в машину.

– Ты что, в самом деле ничего не помнишь? Мы же вчера эликсир жизни изобрели! Пошевели извилинами!

Кашеедов был даже немного оскорблен тем, что Басистый ничего не помнил об их гениальном изобретении. Сам он не спал почти всю ночь, строя грандиозные планы, как выгоднее распорядиться открытием. Если бы он мог предположить, что Басистый страдает амнезией, то не стал бы включать его в свои планы, а нашел бы применение лекарству самостоятельно. Ну что сделано, то сделано. Да и может быть полезен в этом деле студент, человек образованный.

Басистый по-прежнему тарасился на него непонимающе.

– Что за эликсир?

– Смесь такая, дохляков оживляет. Вчера твою крысу оживила, Магдалину.

– А-а-а! – наконец вспомнив, протянул Аркадий и поправил: – Свинку. Мелинду.

– Ее, лапушку, – обрадовался Василий. – Ну, слава богу, вспомнил. Так что насчет эликсира?

Басистый пожал плечами.

– На этой микстуре можно миллионы заработать – бабки веником грести. На всю жизнь хватит, – продолжил Кашеедов. – Только вот не знаю, с чего начать.

– Веник купи.

– Тебе бы все шуточки! Ты что, не врубаешься? Наша микстура существует в единственном экземпляре! Это прямо сказать, бесценная микстура. Золотая, нет, бриллиантовая! Нам нужно только подходящего покупателя найти и выгодно ее продать!

Не проявляя энтузиазма, Аркадий ответил:

– На мой взгляд, наш эликсир — это какой-то казус. Любое открытие требует многократного подтверждения, – при этих словах Аркадия Кашеедов слегка поник. – Я считаю: нужно повторить эксперимент.

– Рехнулся? У нас этой радости меньше, чем пол-литра. Экономить надо.

– Хотя бы на человеке. Вдруг она не подействует?

– Да, наверное, – вынужден был согласиться Кашеедов. – Кого бы оживить?

– В морге много желающих, на кладбище еще кого-нибудь можно вырыть.

– Вырывать не будем, но покойников ведь каждый день хоронят...

Город был большой, и кладбищ в нем имелось несколько. Друзья прикинули, что от того места, где они находились в данную минуту, ближе всего было небольшое кладбище, именуемое «Монастырским», потому что в стародавние времена оно было разбито при женском монастыре, однако давно стало общегородским. Они двинулись в путь.

Обширное кладбище растянулось вдоль трассы, а монастырский комплекс располагался за ним. Издали были заметны белые стены ограды и золотые купола церкви.

Молодые люди прошли на кладбище через главные ворота и направились мимо расположенного у входа административного здания прямо по центральной дороге. Как всегда, в центре, вблизи дорожек, на самых видных местах располагались могилы наиболее уважаемых и обеспеченных горожан, а на окраинах покоились простые люди. Сразу на площадке у входа, будто эстрада в ресторане, выделялась эффектная могила, облицованная дорогим мрамором с претенциозной скульптурой. Здесь, по слухам, спал мирным сном какой-то кровавый бандит.

В этот ранний утренний час кладбище еще пустовало. Здесь не было никого: ни похоронных процессий, оплакивающих покойников, ни посетителей, навещающих дорогие могилы, ни могильщиков, копающих ямы, ни уборщиков, которые мели бы сор. Только листва падала на мраморные надгробья, забивалась в решетки оградок, шелестела под ногами и была почему-то похожа на милость.

Кашеедов и Басистый скорым ходом достигли противоположной окраины кладбища, где стояла небольшая часовня. Около нее толпилась небольшая группа людей. Кашеедов потянул приятеля внутрь часовни. В окна пробивался белый свет, мерцали свечи. В центре зала стоял гроб с покойником, а возле него толпились несколько человек — близких умершего. Стало ясно, что здесь готовятся к отпеванию. Священник пока не вышел к собравшимся, лишь две пожилые монахини бродили по залу и поправляли свечи, где-то что-то подтирали и убирали.

– Вот он! – шепнул Кашеедов Басистому, кивая на гроб с покойником. – Действуем!

Сердце у Аркадия дрогнуло. Одно дело говорить вообще, строить планы, другое реализовать на практике. Все как-то слишком быстро получилось, он не успел обдумать, решить для себя: морально ли это, хорошо ли? А Васька торопил:

– Давай, давай!

«Если микстура не подействует, то никому хуже не будет, – решил Аркадий. – Если подействует, то человек оживет и принесет много пользы остальным, а уж как обрадуются родные!» Действительно, очень важно бывает идейно обосновать свои поступки. Будет правильное идейное обоснование, тогда спокойно можно всякие безобразия творить.

Друзья приблизились к гробу. Аркадий стал внимательно разглядывать присутствующих: самого покойника — тщедушного мужичка с острым носом, его вдову — отечную маленькую женщину в черном платочке, заплаканную старушку – наверное мать, каких-то мужчин, возможно коллег, профсоюз с работы. В это время Василий, ничтоже сумняшеся, вытащил из-за пазухи бутылку, откупорил, отодвинул в сторонку вдову и нагло сбрызнул эликсиром лицо и особенно губы покойнику.

– Да что ты делаешь? Уберите его! Это какой-то хулиган! – вскрикнула дрожащим от возмущения голосом возмущенная вдова. – Уходи по-хорошему! Ты кто такой? Уходи!

Мужики оттеснили Кашеедова в сторонку, но совсем из часовни он не вышел, остался наблюдать за происходящим издали.

Аркадий минуту смотрел на друга, но потом вспомнил, что они проводят эксперимент, вытащил свой телефон и включил режим видеозаписи, как оказалось – вовремя. Басистый резонно рассудил, что видео когда-нибудь пригодится в качестве документального свидетельства подлинности и эффективности лекарства.

– Хулиганы! Что вы творите, бесстыдники? Да что же это делается! – заголосили жена покойника и две присоединившиеся к ней монахини, которых привлек шум.

Аркадий твердой рукой держал телефон с направленной на гроб видеокамерой. Вдова вытащила из сумочки носовой платок и стала вытирать покойнику испачканное лицо. Вдруг она резко вскрикнула, потому что покойник раз – и широко распахнул глаза. Женщина схватилась за сердце, а покойник вращал глазами, недоуменно изучая лики, глядящие на него со

стен и потолка и мерцающие в зыбких отблесках свечей. Покойник явно не понимал, где он и что с ним.

Ноги у вдовы подкосились, ее подхватила стоявшая рядом старушка.

Бывший покойник громко откашлялся, потом сел и с удивлением оглядел присутствующих.

– Сыночек! – старушка оставила вдову и кинулась к нему с объятиями.

– Ирод, ты живой! – громко крикнула вдова, неожиданно ставшая снова женой. – Да сколько же ты меня будешь мучить, проклятый!

Она разрыдалась, между всхлипами приговаривая:

– Алкаш поганый, даже сдохнуть как все люди не можешь!

– А я че? Я ниче, – оправдывался покойник.

К гробу стремительно подошел попик, совсем молодой, высокий, стройный, с рыжеватой бородкой, просто душка. Такому красавчику только и отпевать покойников (ну не венчать же, дабы не смущать новобрачных).

– Что здесь происходит? – спросил он мелодичным баритоном.

– Это они все устроили! Они, батюшка! – одна из монахинь указательным пальцем больно ткнула Басистого в бок, а потом рукой махнула в сторону Кашеедова: – И вот этот еще! Они все сделали!

– Эти озорники с моим, наверное, сговорились, чтобы цирк здесь устроить, – подхватила бывшая вдова. – Пропойцы проклятые! Ни стыда ни совести!

Покойник еще раз прокашлялся и попросил:

– Воды! Пить хочу, умираю!

– Пить ты хочешь, гадина! – вдова подскочила к гробу и начала лупить муженька кулаками, большой потертой сумкой и еще какими-то подручными средствами куда ни попадя.

Батюшка принялся ее увещевать. Не глядя на них, Басистый нагнулся над гробом и вполголоса спросил покойника:

– Ты видел рай?

Аркадий сам не знал, что его, оказывается, волнует этот вопрос.

– Че? – переспросил у него покойник.

Вдова и священник опять переключились на Басистого.

– Молодой человек! Идите отсюда! – потребовал священник трагическим голосом, как человек, вынужденный идти на крайние, жесткие меры, хотя всегда избегал таких мер и старался быть мягким и лояльным. Казалось, что ему самому очень больно выгонять кого-то из дома божьего.

Аркадий сделал шаг в сторону, одновременно выключая камеру, кинул взгляд на Кашеедова и увидел, что тот стоит у входа и энергично жестикулирует, вызывая его наружу.

– Их нужно задержать и полицию вызвать! – заявила старушка-монахиня. – Хулиганы!

– И я считаю, что их нужно наказать! – поддержала ее напарница. – Благословите, батюшка, я позвоню в полицию.

– Держите их! – крикнул один из мужчин, присутствовавших на процессии.

– Не нужно, – строго ответил молодой священник. – Пусть уходят.

Однако этих слов молодые люди уже не слышали, они выскочили из церкви и помчались через кладбище, петляя и путая следы, хотя за ними никто не погнался. Друзья энергично пробежали по узкой дорожке, остановились перевести дух у одной из могил, огороженной тяжелой черной чугунной цепью и выложенной квадратными плитами. Внутри ограды росла береза и какие-то кустики по периметру. Они перешагнули через цепь и присели на скамейку у столика.

Аркадий вздохнул и с сожалением сказал:

– Так мы и не узнали, есть загробная жизнь или нет.

– Зато теперь точно знаем: лекарство на людей тоже действует, – подытожил Кашеедов.
– Сейчас посмотрю, сколько его осталось.

Он вытащил из-за пазухи бутылку, ревниво оценил уровень жидкости, убедился, что пока достаточно, и поэтому ничего не сказал.

– Ну, что дальше делать будем? – спросил Кашеедов. – Кто его купит?

– Поехали, в машине обсудим.

Парни прошли мимо служебного одноэтажного здания через кладбищенские ворота, выходящие прямо на трассу, по которой непрерывным потоком мчались автомобили, в том числе и большегрузные, к небольшой стоянке, где оставили свою «Оку».

Кашеедов сделал шаг к машине, машинально хлопнул руками по груди, отыскивая в кармане ключи, и вдруг ахнул:

– Постой!

Басистый остановился.

– Бутылки нет!

– Как нет?

– Забыли! Там, на могиле забыли!

Глаза Кашеедова наполнились таким глубоким отчаянием, что друг проникся к нему сочувствием.

– Так, не паникуй, – успокаивающе сказал Басистый. – Пошли искать.

По той же траектории, только в обратную сторону молодые люди вернулись на кладбище. Они остановились у домика, где располагалась кладбищенская контора, и задумались. Они не могли сообразить, куда им идти дальше.

– Кажется, мы вышли с этой дорожки, – неуверенно произнес Аркадий.

– Точно, с этой! Я запомнил! – воскликнул Кашеедов.

Они направились по дорожке.

– Нет, кажется, мы шли не по этой, – засомневался Басистый.

Друзья вернулись к началу пути и прошли к следующей дорожке, откуда начали путь заново.

Случайная остановка на случайной могиле могла оказаться для них решающей, ну не для них, так для их великого открытия. Если бы приятели могли предположить, что так будет, то конечно бы запомнили какие-нибудь координаты, но ведь они даже не поинтересовались, кто там был похоронен – мужчина или женщина, и надпись на табличке не прочитали. Теперь они бродили вдоль и поперек кладбища, тщетно пытаясь разыскать нужную могилу. Оказалось, что на кладбище полно могил, огороженных чугунными цепями. Полно могил, за оградкою которых высажены березы. Полно могил, выложенных квадратной плиткой.

Всегда веселое румяное лицо Кашеедова размякло и расквасилось – он с трудом сдерживал слезы. Не столько из-за потери эликсира, сколько из жалости к другу огорчился и Басистый.

– Все пропало! Все, – убитым голосом сказал Кашеедов. – Мы уже видели, наверное, нужную могилу, а бутылки на ней не нашли. Может, ее уже какой-нибудь бомжик раньше нас нашел и выпил.

– Вася, не паникуй! Вася, мы не сдадимся! Ты сегодня здесь хоть одного бомжа видел?

– Вон он!

Кашеедов небрежно указал рукой в сторону сторбленной фигурки мужика, одетого в грязную рваную одежду и обутого в женские туфли.

Бомж бродил с сумкой меж могил, выискивая, не оставил ли кто здесь угощение за помин души. Он как раз протягивал руку к симпатичной бутылочке, почти полной, стоящей посреди столика на видном месте, когда к нему подскочили два парня.

– Не трогай! Нельзя!

Бомж вздрогнул, испугавшись молодых здоровых мужиков, втянул голову в плечи в ожидании удара.

Один из них, не тот, который бугай, а другой, пожиже, похлопал его по плечу:

– Ничего, старик. Все нормально.

Они забрали бутылку и потопали к выходу. Бомж смотрел на них грустно-грустно: зачем им эта початая бутылка? На бездомных они не похожи, могли бы и новую купить.

3. Брат с сестрой

Двухэтажный белый особняк был окружен парком и едва проглядывал сквозь рыжие с золотом кроны деревьев. На дорожках были распластаны кленовые листья, как будто какой-то шалун наследил по всему парку ладонями. В укромном уголке был устроен искусственный пруд, а на берегу его стояла небольшая белая ротонда. На поверхности воды плавали печальные листья. Не хватало только белых лебедей, которые также входили в художественный замысел архитектора.

В беседке стояли двое. Одно лицо мы уже встречали, хотя и не уделили ему должного внимания. Это была маленькая шуплая, похожая на птичку, старушка в черном монашеском одеянии. Эта самая старушка не далее как сегодня утром стала свидетельницей воскрешения покойника и первая крикнула: «Хулиганы! Бесстыдники!» Звали ее Алевтиной Марфиной. Рядом стоял, опершись на перила, мужчина, поразительное сходство которого с Алевтиной не оставляло сомнения, что он приходится ей родным братом. Игнату Марфину было чуть более шестидесяти лет, и если его сестру примерно такого же возраста можно было назвать старушкой, то его назвать стариком было бы никак нельзя. Такой же мелкий, шуплый, как и сестра, он был настоящим живчиком: глаза у него смотрели зорко и двигались быстро, он все время похаживал и даже иногда как-то неожиданно подсакивал, говорил звонким резким голосом, выкрикивая фразы, короткие и ясные, как команды.

Безобидная внешность Игната Марфина была обманчивой. Его острый ум, беспринципность и ненасытная жадность позволили ему достичь того, чего ему не дано было от рождения, но к чему он всегда стремился, а именно: достичь очень высокого положения в обществе. Теперь он мог пользоваться всем, что доступно только избранным, элите, хотя, конечно, чтобы оценить это все по достоинству, ему не хватало ни вкуса, ни образования. Даже сейчас, в чудесный день, в чудесном (хотя и привычном для самого Марфина) месте он не замечал ни очарования этого дня, ни томной прелести пейзажа.

Игнат открыл дверцу бара, который был встроено в колонну ротонды, вытащил бутылку пива, открыл ее о перила и выпил прямо из горлышка.

– Угощайся, – предложил он сестре.

Алевтина, недолго колеблясь, тоже взяла бутылку. Игнат помог ей открыть. У брата и сестры с детства были на редкость теплые доверительные отношения. Они любили друг друга, постоянно заботились друг о друге и не скрывали друг от друга собственных переживаний. Алевтина была единственным человеком, с которым Игнат поделился тревожными мыслями, которые не давали ему покоя последние пару лет.

Богатство, могущество, власть Игнату не достались даром, как сынкам влиятельных родителей. Он заработал их своим умом, без всяких связей, покровителей и какой-либо поддержки. Мальчик с улицы, он всегда трезво оценивал свои возможности и понимал, что реальных шансов достичь больших успехов честным путем у него нет. Поэтому он еще в ранней юности начал заниматься контрабандой, рэкетом, торговлей наркотиками и оружием, сутенерством и другим таким же безобидным бизнесом. Дела у него шли успешно. В неприятных ситуациях, когда бизнесу угрожало правосудие, Игнат Алексеевич умудрялся остаться в стороне.

Со временем он остепенился и уже давно вел в глазах общественности законопослушный образ жизни. Марфин элегантно и даже можно сказать красиво легализовал свои сомнительным способом нажитые миллионы и считался обычным российским олигархом. Как все бывшие отцы мафиози, он имел многочисленные связи во властных структурах и даже сам однажды баллотировался в депутаты областной Думы, правда не прошел, но сам факт участия в выборах говорил о многом.

В настоящее время непосредственным руководством многочисленными бизнес-структурами, самыми прибыльными в городе, занимались три его сына: Федор, Петр и Иван. И сейчас, чувствуя приближение старости, а за ней, что уж себя обманывать, и смерти, бывший отец-мафиози и одновременно просто отец стал испытывать опасения, что сыновья передерутся между собой после его кончины. И тогда произойдет крах всей его империи, созданной огромным трудом, пусть не всегда праведным, с риском для жизни и свободы. Все пойдет прахом, все разбазарят наследники.

Что касается Алевтины, это был именно тот случай, который имел в виду Кашеедов, говоря, что в монастырь должны уходить молодые женщины, разочаровавшиеся в любви. Она постриглась в монахини после своего неудачного замужества (с мужем прожила не больше месяца). Что между супругами произошло, никому не рассказывали ни ее бывший муж, ни она сама. Расставшись, они уже больше никогда не общались друг с другом.

Старая монахиня примчалась к брату сразу после того, как на ее глазах в церкви произошло чудо, справедливо не доверяя современной технике: ни компьютеру, ни телефону – все прослушивается, за всеми следят. О, Алевтина была уверена: принесенная ею новость очень заинтересует Игната!

Только что она закончила подробный рассказ о произошедшем сегодня инциденте.

– Выяснить, что это за типы, мне не удалось, – сказала она извиняющимся тоном. – В нашей церкви они ранее не появлялись.

Игнат успокаивающе похлопал ее по плечу.

– Не волнуйся, сестренка, мы их вычислим уже через два часа по моим каналам в полиции, это пустяк. Тебе, правда, придется поехать, фоторобот составить.

– Угу, угу, – согласно кивнула Алевтина.

Марфин задумчиво посмотрел вдаль, а потом перевел взгляд на сестру.

– Какая же ты молодчина, – произнес он с нежностью. – Я все сделаю, чтобы получить это лекарство. Ты меня знаешь, я всегда добиваюсь того, чего захочу. Как мне тебя отблагодарить?

Вопрос смутил монахиню, задев какие-то струны, о которых она еще никому не говорила.

– Я стесняюсь сказать, – призналась она.

– Говори, мы же не чужие.

Она колебалась недолго, выпалила, как выстрелила:

– Когда я умру, удели мне несколько капель. Я еще не готова... Я еще жить хочу. И смерти боюсь.

Игнат улыбнулся.

– Так и быть, сестра. У меня к тебе тоже просьба: пусть лекарство хранится у тебя. Сыновьям я его не доверю.

– Хорошо, Игнатушка.

Договор решили скрепить рюмочкой чего-нибудь покрепче пива, после чего старуха ушла.

Посмотрев на часы, Марфин нажал кнопку селекторной связи. Новость задела старика за живое – совсем недавно с ним впервые в жизни случился приступ стенокардии, пришлось даже вызывать врача. Никогда в жизни до этого Марфин не жаловался на сердце, и этот случай его сильно испугал и встревожил.

– Соберите моих сыновей сегодня ровно в одиннадцать тридцать в кабинете, – приказал он, размышляя о том, что к этому времени имена изобретателей должны стать ему известны.

4. И сыновьям дает наказ

Кабинет был таким же помпезным, как все вещи, окружавшие Марфина. Это было большое довольно темное помещение, уставленное шкафами с толстыми книгами в дорогих перелетах. К книгам, впрочем, никто никогда не прикасался, кроме уборщицы, сметавшей с них пыль. На полках стояли, мерцая, как тревожные кнопки, несколько старинных медных подсвечников, за которые Марфин когда-то заплатил большие деньги. Они никогда не использовались по назначению, так же, как и книги.

Во главе массивного стола из темного полированного дерева сидел сам Марфин. Перед ним на простых жестких стульях — его молодая поросль. Стулья были жесткими — пусть подчиненные, в том числе и деточки, не забывают, кто они и кто он, и не расслабляются! Старший сын, Федор, темноволосый и смуглый, был похож на отца телосложением. Любые проблемы он умел решать только силой. Дипломатичность и умение договариваться, чтобы достичь взаимопонимания с партнерами, у него отсутствовали напрочь. Он не знал жалости ни к кому. Ему отец доверял выполнение самых грязных, кровавых, но в то же время и самых опасных заданий, требующих хладнокровия, смелости и безжалостности.

Петруша был похож на мать, которая в юности была очень хороша собой: белокожая, круглолицая, с золотыми кудрями. Все это досталось и Петру, только очень толстым он был с детства, а мать его расплелась в зрелом возрасте. Петр был умнее братьев, хитрее, тоньше, извините за каламбур, в политике. Однако имелось качество, которое не позволяло ему стать неоспоримым лидером, и качество это характерное для русского человека — лень. Такого увальня, как Петр, нужно было еще поискать.

И, наконец, Иван, слишком молодой еще, чтобы как-то проявить себя. Он единственный из братьев реально учился и действительно имел хорошее образование. Отец, разумеется, заставил всех сыновей получить дипломы об окончании вузов, но молодым мажорам чаще всего было проще купить нужные оценки, чем заработать их. Наличие диплома, как известно, не всегда свидетельствует о подлинном образовании. Иван же сносно знал китайский язык, выучил просто потому, что ему это нравилось, было интересно. Младший сын очень помогал отцу, когда нужен был доверенный переводчик, а с китайцами у папаши было дел больше, чем с какими-либо другими иностранцами. Кроме того, Иван вообще оказался востребованным специалистом. Его тысячу раз приглашали на постоянную работу коллеги и друзья отца, но он предпочитал оказывать разовые услуги за хорошую плату.

Для простого парня это был бы замечательный успех, но он был сыном Игната Марфина, и оказывать любые услуги, в том числе самые интеллектуальные, для него, по мнению старика, было зазорно. Старик позволял ему работать на чужих лишь до тех пор, пока Иван оставался холостым и бездетным. Внуки не должны привыкать к подобному — зависимому — положению, это ломает все моральные установки. Марфины всегда должны быть хозяевами в этой жизни, а уж никак не обслугой.

Все это в который раз проносилось в голове Игната, когда он всматривался в лица своих детей. Наконец, он встал и начал речь.

– Стало известно, что некие молодые люди изобрели средство, позволяющее реанимировать мертвых.

Сыновья молчали, не проявляя никакого воодушевления или хотя бы вежливого интереса. Старик продолжил.

– Это уникальное лекарство, аналогов которому нет в мире. Оно возвращает к жизни даже давно умерших людей, – про «давно умерших» Игнат добавил от себя. – Изобретатели работают в НИИ инсектицидов. Один из них, Василий Кашеедов, – вахтер. Другой, Аркадий Басистый, – дежурный аборант, к тому же студент последнего курса медицинского универси-

тета. В НИИ, где они работают, недавно изобрели эффективное средство от мух. Рецепт оживляющей микстуры никому неизвестен, о ее существовании там тоже не слыхали.

Марфин дал некоторое время сыновьям переварить информацию, затем продолжил.

– Я уже стар. Да-да, не говорите ничего, – жестом он остановил вырвавшиеся у сыновей возражения. – Сколько мне осталось, одному богу ведомо. Я бы хотел уйти в мир иной в тот день и час, когда сам посчитаю нужным. Мне нужно подвести баланс своей жизни, так сказать, свести дебет с кредитом, заплатить долги и вообще — морально подготовиться.

Обычно Игнат не затруднялся объяснением мотивов своих поступков окружающим, сыновья не исключение. «Видимо, на самом деле, старею», – отметил он это про себя и перевел разговор на более предметную тему.

– Ребята, ставлю перед вами серьезную задачу: изъять у Басистого и Кашеедова эликсир жизни.

Он сделал паузу, чтобы его последующие слова прозвучали еще более значительно.

– Кто из вас сумеет добыть это лекарство, тот после моей смерти займет мое место.

– Прямо как в сказке, – сказал Иван и почесал затылок, взъерошивая волосы, которые и без того стояли торчком, как перья у драчливого воробья. – Операция «Живая вода» начинается!

– Не умничай, – оборвал его Петр. Пот лил с него градом. Он всегда потел от волнения, но жира меньше не становилось, потому что волновался он редко.

– Батя, расскажи подробнее, что ты об этом эликсире знаешь и о лекарствах этих! – потребовал Федор, заросший щетиной, как чеченец. Глаза у него всегда были ясные и глядели зорко, любому сразу было понятно, что зрение у него стопроцентное, и этим он тоже походил на горца.

Старик кинул на стол листы бумаги с распечатанным изображением фотороботов и изложил сыновьям все, что услышал от Алевтины.

– На них нажать – раз плюнуть, – произнес Федор.

– Вот и нажмите. Только не переборщите. О ходе поисков доложите мне завтра в девять утра. А теперь можете идти.

Братья поднялись со стульев, разобрали распечатанные портреты и покинули кабинет.

«Наверное, это моя ошибка, – подумал старый Марфин. – Нужно было принять руководство операцией на себя. Следовало бы разработать общий план, стратегию продумать, начать поиски одновременно в разных направлениях, а так каждый сам по себе. Что из этого получится? Да ничего непоправимого не произойдет. С нашими-то, марфинскими, возможностями, каких-то задрипанных лифтеров-вахтеров из НИИ ребята достанут в один момент. Вопрос только: кто первый?»

Игнат Марфин сел в высокое черное кресло, поставил локти на стол и подпер рукой голову, приняв позу мыслителя. Он глубоко задумался о том, что некому оставить огромный бизнес, основанный им. Некому, а главное, и не хочется. За этими скорбными размышлениями Игнат задремал.

П

. Торги

5. Фокус удался

Солнце стояло в зените, а значит время приближалось к обеду. Зеленая «Ока» уже приближалась к центру города.

Всю дорогу друзья рассуждали, как им лучше распорядиться своим уникальным изобретением. Вернее, в основном говорил Басистый – много и вдохновенно. Его свежее лицо от восторга стало румяным, как у девушки. Он был счастлив, что эликсир работает, что расхваленная Кашеедовым микстура реально оживляет мертвых! Теперь они с Василием могут свернуть горы. Это просто невообразимо, какие возможности! Убить живое существо может любой дурак, а вот вернуть его к жизни до сих пор было под силу только высшим силам, а если еще точнее – практически никому. Но сейчас все может измениться. Оживить мертвого отныне смогут даже простые люди, и эти люди — они с Васькой!

– Мы совершили великое открытие, которое может вообще изменить ход истории! Наше изобретение должно принадлежать миру, оно должно сделать всех счастливее. Это будет нашей миссией!

Кашеедов ничего не сказал, только покосился на сидевшего рядом Басистого, и угрюмо запыхтел.

– Наш эликсир позволит возродить к жизни величайших гениев прошлого! Ведь это же необыкновенная удача! И большая ответственность.

– Ага, Ленина можно оживить, – с сарказмом сказал Кашеедов, но Аркадий не почувствовал его сарказма.

– Это не нам решать. Такие вещи на правительственном уровне должны решаться. Может быть, даже референдумом.

Кашеедов промолчал и снова недовольно засопел, подумав: «Если оживлять всех великих, то простым людям на земле места не хватит».

– Нет, мы должны куда-то в международные организации обратиться. Может в ООН? – Басистый размышлял вслух.

Наконец Кашеедову надоело слушать в его разглагольствования, он развернулся в сторону Басистого и решительно заявил, возвысив голос:

– Ты о чем тут болтаешь? Миссию он придумал! А меня ты спросил? У меня другие планы на это микстуру! Я просто хочу, чтобы она сделала меня богатым человеком! И все! Бога-тым! Это моя мечта с тех пор, как я вышел из детского сада: нигде не работать, ничего не делать, а деньги получать!

Басистый растерянно моргнул и примолк, и Кашеедов успокоился.

– Какая нам будет польза, если мы наше лекарство в ООН отдадим? Нам за него заплатят? – спросил Василий уже более дружелюбно.

– Ну да, наверное...

Кашеедов нахмурил брови, соображая. Басистый молчал и не мешал Василию думать. Идея предложить свой эликсир ООН показалась Кашеедову слишком сложной и дорогостоящей, а результат непредсказуемым. Хотелось чего-то более конкретного, а главное более простого, дешевого в реализации и быстрого. Об этом он и сказал приятелю.

– Нам нужно подумать, как на открытии заработать.

У Аркадия в голове толпилось множество высоких благородных мыслей по использованию эликсира, которые Кашеедову, конечно, не понравились бы, а коммерческих идей не было никаких – ни единой, поэтому он промолчал.

Василий решил, что Басистый на него обиделся, поэтому сказал извиняющимся тоном:

– Давай попозже обмозгуем это дело. Сейчас так есть хочется. Может, пирожков купим?

– У меня, честно говоря, сегодня денег даже на обед нет, – признался Аркадий.

– Эх ты, на обед нет. А про миссию тут болтаешь!

– Это беда всех русских гениев. Мы не можем найти своим изобретениям практического применения – ум у нас философский, умозрительный.

– Пустомеля ты, а не гений. Я тебя не для этого в дело взял.

– Ты смешной такой. Что я, фокусник, что ли? Шляпу дай, я из нее выну тебе денег, сколько захочешь! – с обидой отозвался Басистый.

– Ну конечно! Умный ты парень, Аркаша, а дурак. Мы же и в самом деле можем в цирке выступать! Будем фокусы показывать с оживлением.

Басистый изумленно уставился на приятеля, а тот с воодушевлением продолжил:

– Сначала потратим несколько граммов водички на пустяки – оживим кого-нибудь в цирке при широкой публике. О нас пойдет слава. Чем больше слава, тем дороже расценки. Мы, глядишь, и на родине разбогатеем, и никуда ехать не придется.

Басистый все-таки не до конца поверил в успех этой затеи, но ничего другого предложить не смог, поэтому друзья направились прямо к цирку.

Трехэтажное, круглое в основании здание цирка, стены которого были увешаны яркими афишами, флажками, фонариками и еще бог знает чем, стояло на такой же круглой площади, выложенной брусчаткой. В центре площади находился небольшой симпатичный фонтан. Его украшала скульптурная композиция: три дельфина, играющие в мяч, причем мяч — большой каменный шар — дельфины держали только кончиками своих носов. В сторонке стоял детский поезд — несколько вагончиков, разрисованных фигурами героев мультфильмов, который в выходные дни катал ребятишек по площади. Сегодня у фонтана, да и в самом цирке было малоллюдно. Центральные двери были закрыты. Молодым людям пришлось обойти здание, чтобы найти служебный вход, маленькую обшарпанную, покрытую дерматином еще в год постройки здания дверь.

Старичок на вахте посоветовал им обратиться к администратору.

– Альбина Витальевна только что с обеда приехала! – сообщил он. – Вот ее машина стоит у входа, «Фольксваген-пассат» красный.

– Замечательно, – прервал словоохотливого и наблюдательного коллегу Кашеедов. – Где нам ее найти, Альбину Витальевну?

– Налево и прямо до конца коридора, по лестнице на второй этаж, а там увидите.

Поблагодарив дежурного, приятели направились по указанному маршруту. Постучали в дверь с табличкой «Главный администратор» и услышали красивый грудной голос, которым разговаривают в быту оперные певицы:

– Входите!

По стенам небольшой комнаты были развешаны многочисленные афиши с автографами знаменитых артистов цирка. И сама Альбина Витальевна была похожа на артистку. За густым слоем косметики ее возраст определить было невозможно. Из пышной прически у нее выглядывала заколка с умопомрачительной искусственной розой. На плечах — синее, как глаза ангела, пончо, искусно связанное вручную. Туфли на каблуках такой высоты, что впору было эту женщину саму показывать в цирке, восхищая зрителей умением передвигаться на таких ходулях. Однако громадные каблуки были ей необходимы, ведь даже с ними администраторша едва доставала до плеча Басистого, не говоря уже о Кашеедове. Женщина была до того необычная, яркая и сексапильная, что в голове не укладывалось, как она может проводить вечера со спицами в руках, однако это было самым любимым ее времяпрепровождением, которому она предавалась всегда, когда имела такую возможность.

Восхищенные ее сногшибательным видом, молодые люди забыли, зачем пришли. Некоторое время они просто без слов разглядывали ее. Наконец, насладившись произведенным эффектом, она прервала молчание.

– Слушаю вас.

Альбина Витальевна была не в духе. Десять минут назад, закрывая дверь в машине, она сломала ноготь, безукоризненный акриловый ноготь с дорогим французским маникюром, и теперь горевала о том, что нарушилась вселенская гармония, что она сама стала безобразной уродиной и ходить ей в таком постыдном виде еще три дня, потому что куда-то уехала ее любимая маникюрша.

– Мы можем демонстрировать уникальные фокусы, – неуверенно начал Басистый.

– Уникальных фокусов не бывает, – с неудовольствием протянула администраторша.

Чувствуя, что интонации Басистого звучат малоавторитетно и не особо убедительно, Кашеедов вступил в разговор сам. Накачанный, атлетически сложенный Василий более подходил на роль циркового силача. «Ему бы гири подкидывать и подковы гнуть, а не фокусы показывать», – профессиональным взглядом отметила Альбина Витальевна. Она была женщина добрая, но сломанный ноготь незаживающей раной терзал ее душу, поэтому самозванцы раздражали ее сегодня.

– Все фокусы давно известны, – холодно сказала она.

– Мы будем оживлять мертвых! – пояснил Кашеедов.

– Было. Как его, знаменитый экстрасенс. Это для цирка не подходит. Вам лучше в центр традиционной медицины обратиться, там такие фокусы любят.

– Можно это дело эффектно обставить, – тем же неуверенным, губительным для предприятия тоном вставил реплику Басистый.

– Мы сделаем так, что будет смешно! – пообещал Кашеедов – он готов был пообещать что угодно, лишь бы ему дали шанс заработать грошиков.

Друг посмотрел на него с недоумением: жизнь и смерть — это не повод для смеха, и как можно весело реанимировать мертвых он не мог себе представить. То же самое, наверное, подумала и Альбина Витальевна.

– Что может быть смешного в том, чтобы смотреть на трупы? Даже когда их оживляют, – сказала она.

– Вот увидите, сами убедитесь! – горячо продолжил Кашеедов, уцепившись за тонкую ниточку интереса, который проявила администраторша.

– Уговорили! – вдруг сразу согласилась она, чтобы быстрее избавиться от надоедливых посетителей. – Показывайте!

Басистый даже растерялся, потому что конкретно о том, кого же они будут оживлять, у них с Василием предварительной договоренности не было.

– Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – согласился Кашеедов.

Неторопливым движением он вытащил из-за пазухи бутылку с волшебной жидкостью, обводя взглядом стены и убранство комнаты. Что же можно здесь оживить, что? Хоть бы скелет какой-нибудь в углу или череп на столе! Но увы, ничего подобного не было в кабинете главного администратора цирка. Взгляд Василия привлекло едва заметное движение, которое сделала Альбина Витальевна. В ожидании фокуса она потеряла кулон, висевший у нее на шее, лишь вчера приобретенный за хорошие деньги. Кулон был сделан из янтаря и похож на каплю меда. В сердцевине камня застыл древний паучок. И этого невзрачного паучка углядел Кашеедов.

Молодой человек откупорил флакон и эффектным театральным жестом (где только научился таким?) отважно протянул руку в направлении администраторской груди. Жест оказался женщине неприличным, и она шарахнулась в сторону, решительно оттолкнув руку Кашеедова, но несколько капель жидкости плюхнулись на ее великолепное пончо, а также и на кулон. Янтарь прямо на глазах растаял, а паук — самый заурядный, ничем не примечательный, и не скажешь, что ему миллион лет, немедленно убежал восвояси.

– А.., а... – попыталась что-нибудь выкрикнуть возмущенная дама, наливаясь пунцовой краской, но не могла произнести ни слова. Роза в ее волосах мелко тряслась, казалось, что она тоже пытается выкрикнуть слова возмущения.

Кашеедов сообразил, что сделал что-то не то, и начал тихо пятиться к выходу, Басистый за ним.

Как только процесс покраснения завершился, Альбина Витальевна закричала не своим голосом, а может и своим, может оперные певицы всегда так кричат, когда их грабят, легко выводя самые высокие ноты:

– Хулиганы! Полиция! Помогите!

Неудачливые фокусники нырнули в приоткрытую дверь. Они бежали резво, как бывалые скакуны, и до самого выхода их преследовал звучный голос администраторши. Даже тогда, когда они оказались на улице, проскочив мимо изумленного старичка-вахтера, в ушах у них слышались крики Альбины Витальевны.

В сказках говорят: «Скоро слово сказывается, нескоро дело делается». В нашем же случае было наоборот: рассказ был долгим, а на попытку пробиться в артисты приятели потратили не более получаса.

6. Петушинные бои

Расстроенные, друзья заскочили в свою машину и медленно поехали вперед без всякой цели.

– От всех этих волнений я еще больше есть хочу, – пожаловался Кашеедов. Он и правда немного устал, и казалось, что он сдувается, как резиновая игрушка через открытый клапан. Ему срочно требовалось подзарядиться энергией. Басистому, конечно, тоже.

Аркадий сказал, приуныв:

– Вот так славы мы с тобой наделали! Не дай бог после этого цирка полиция нас начнет искать. Ты только вспомни, как эта Альбина вопила: «Полиция! Полиция!» А вдруг заявку написала? Да и там, в церкви... «Хулиганы! Хулиганы!»

– Да уж, наследили, – согласился Кашеедов. – А денег так и не заработали. – Он помолчал несколько секунд и продолжил: – К тому же у меня вот-вот бензин кончится. Я вместо того, чтобы таксовать, на кладбище катался. Нам нужны будут деньги на текущие расходы. По моему, будет справедливо, если мы будем поровну вкладываться. Это же наше общее дело! Прибыль-то ты, наверное, собираешься поровну делить? А, Аркаша?

– Ты прав, – согласился Басистый. – Но денег у меня нет.

– Может, дома заначка?

Аркадий отрицательно покачал головой.

– Как можно никакой заначки не иметь? Даже у меня есть немного денег. Я всегда знал, что однажды мне большая удача подвалит и деньги понадобятся, готовился заранее. Если бы алименты, то еще больше бы накопил. А ты никому ничего не должен и заначки нет, – он посмотрел на приятеля с укором. – Может, займешь у кого-нибудь?

Аркадий тяжело вздохнул, ведь занимать ему было не у кого, по крайней мере значительную сумму, — его родные и близкие жили в другом городе.

– Занять не у кого. Можно кредит... – заикнулся он.

Но Василий его перебил:

– Занимаешь чужое, а отдаешь свое. Лучше продать что-нибудь. Ноутбук свой загони.

Кашеедов был раздосадован тем, что у него не получилось легко заработать на чудо-эликсире, и зло вымещал на приятеле. Сердце у Аркадия от предложения продать ноутбук замерло.

– Здесь мое все! Там вся моя жизнь! Нет!

Басистому было жаль ноутбука чуть не до слез, но очень хотелось есть и альтернативного варианта он предложить не мог, поэтому уже готов был согласиться. Смилостивился Василий.

– Предлагаю сдать ноут в ломбард. Скоро у нас серьезные деньги появятся, и ты его выкупишь.

Друзья минут пятнадцать поехали по городу, разыскивая ближайший ломбард. Наконец в углу жилого дома наткнулись на маленькое заведение с соответствующей вывеской. Чтобы попасть в него, нужно было взойти на высокое крыльцо. Кашеедов поднялся, толкнул дверь и отпрянул: за дверью были видны кресла и зеркала — типичные атрибуты парикмахерской. Он снова вышел наружу и еще раз осмотрел вход: на двери «Ломбард», а еще выше, крупными буквами «Парикмахерская».

– Ничего не понимаю, – он пожал плечами.

Аркадий решительно вошел внутрь.

– Девочки! – громко сказал он, привлекая внимание занятых сотрудниц парикмахерской. – А где тут ломбард?

– Подождите минутку, я сейчас освобожусь, – сказала тоненьким голосом молоденькая девушка, почти девочка.

В эту минуту она сидела в парикмахерском кресле, а над нею колдовала парикмахерша в фартуке, занимаясь поразительным делом, которое Басистый даже не мог бы себе придумать: специальными щипцами вытягивала, выпрямляла густые, пышные, волнистые от природы волосы девушки так, чтобы они свисали идеально прямыми шторками по обе стороны лица. Девушка, конечно, все равно оставалась хорошенькой, ведь юность и красоту ничем не испортишь, но вызывало недоумение: зачем это делать? Разве кудрявые волосы не лучше?

Басистый готов был подождать некоторое время, чтобы посмотреть, какого результата достигнет парикмахерша, но в этот момент вслед за ним вошел Кашеедов и потребовал:

– Нельзя ли поскорее! У нас нет времени!

– Сейчас, сейчас, – с неудовольствием ответила девчонка. – Пройдите к окошечку.

Оказалось, что прямо в стене в прихожей было проделано маленькое застекленное окно, через которое и принимали ценности. Девушка прошла через внутренние помещения парикмахерской в свой ломбард, распахнула створки окошка и выглянула из него, как скворец из скворечника.

– Ну что у вас?

– Давай, – обратился Кашеедов к Басистому.

Аркадий был так расстроен, что даже ничего не сказал, просто передал ноутбук другу.

– Паспорт! – потребовала девушка.

Басистый даже вздрогнул, но Василия этим смутить было трудно, так как паспорт он всегда носил с собой.

– На какой срок сдаете вещь? – девушка разговаривала немилостиво.

Кашеедову даже стало немного жалко, что он испортил ей настроение.

– На месяц! – ответил он, бросая извиняющиеся взгляды.

Лицо Басистого стало не просто грустным, а несчастным.

– Нет, две недели! – глядя на него, поправился Кашеедов.

Полученная сумма оказалась гораздо меньше той, на которую они рассчитывали. Однако отдав эти деньги Кашеедову, Басистый успокоился – теперь он участвовал в деле на равных и поэтому его голос тоже стал иметь значение. Вырученные деньги Кашеедов положил в свой карман.

Чувствуя душевный подъем, друзья стали думать, где можно поесть. Точек общепита в центре города было полно, можно сказать, на каждом шагу, но здесь, в центре, все это были престижные, дорогие рестораны, куда собиралась элитная публика, чтобы в комфортной обстановке поглощать бизнес-ланчи, одновременно вешая лапшу на уши партнерам. Со своей наличностью нашим приятелям туда нечего было и соваться.

Наконец, они вспомнили про кафе «Муравейник», вполне демократичное по ценам, а по организации обслуживания похожее на обыкновенную столовую. От подобных заведений советского периода, школьных или каких-нибудь других столовых, она отличалась только интересным дизайном. Столы там были деревянные, при них скамьи, тоже деревянные. Имелись также высокие барные стулья и столики для клиентов, желающих перекусить стоя.

Аркадий собирался пообедать около такого — для стоячих — стола, но Кашеедов воспротивился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.